

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР В РОМАНЕ АЛИНЫ БРОНСКИ
«ПАРК ОСКОЛКОВ»**

Предпринимается попытка рассмотреть проявление диалога культур в художественных произведениях немецкоязычных авторов-мигрантов на примере дебютного романа писательницы Алины Бронски «Парк осколков» («Scherbenpark»). Культурный диалог обнаруживается на различных уровнях: языковом, бытовом, ментальном, причем успешная интеграция на всех уровнях взаимодействия становится важным аспектом адаптации в иноязычном пространстве и определения собственной идентичности между различными культурами.

In the article the author attempts to consider some demonstrations of the dialogue of cultures in the works of arts of German-speaking authors by the example of the novel by Alina Bronsky "Broken Glass Park" ("Scherbenpark"). The point lies in the identification of the different levels of the dialogue of cultures: linguistic, common, mental. The successful integration on all the levels is an important aspect for the adaptation into the foreign-lingual space and the definition of the self-identity between the cultures.

Ключевые слова: диалог культур, миграция, мигрантская литература, А. Бронски, интеграция, межкультурная идентичность.

Key words: dialogue of cultures, migration, migrant literature, A. Bronsky, integration, intercultural identity.

Процесс миграции обычно рассматривается учеными как неотъемлемый элемент национальной культуры страны. Но поскольку мигранты являются носителями одной культуры, а жители принимающего государства — представителями другой, актуальной остается проблема их взаимодействия и наличия в рамках этого взаимодействия некоего межкультурного диалога, как эксплицитного, так и имплицитного.

Вопросы межкультурного диалога рассматривались многими учеными, такими как Н. А. Бердяев, М. Бубер, Ф. Розенцвейг, М. Бахтин, А. А. Гусейнов, Э. Холл, Р. Хаммер и др. Большинство исследователей придерживаются мнения, что диалог культур возможен на основе принципов сохранения многообразия и взаимного уважения. М. Бахтин определяет диалог культур как важный процесс взаимодействия, в котором значимым аспектом становится взаимопонимание, однако лишь при условии сохранения своего мнения. То есть, с одной стороны, происходит взаимное слияние, с другой — сохранение дистанции [2, с. 434]. С. Тер-Минасова указывает, что диалог культур — это равноправное взаимодействие культур, основанное на взаимопонимании их представителей, при этом его основой и целью является взаимопонимание во всех его аспектах — языковом, социокультурном, аксиологическом (осознание и понимание ценностей другой культуры) и т. д. [5, с. 2]. То, что культура в принципе способна осваивать достижения другой культуры, — одно из основных условий ее жизнеспособности, поскольку только через призму другой культуры она может раскрыться в полной мере. «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом... между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [1, с. 354]. Встречаясь, культуры не сливаются в единое целое и не смешиваются, а лишь обогащаются, что говорит о диалоге лишь как о плодотворном для обеих культур явлении. Подобное общее понимание диалога культур дополняется и другими интерпретациями, так, например, А. А. Гусейнов пишет: «Диалог культур... следует рассматривать как тип отношения между разными культурами, не более того. Он не создает качественно нового культурного состояния» [3, с. 178].

Если в общекультурном плане ученые пришли к согласию по поводу существования диалога культур, то вопрос о межкультурном диалоге в рамках одной национальной литературы все еще остается малоизученным. Где же начинается взаимопроникновение систем ценностей и на каких уровнях можно наблюдать возникновение так называемой единой ментальности, если речь идет о художественных произведениях «мультикультурных» авторов с мигрантским прошлым?

Творчество авторов-мигрантов уже давно стало неотъемлемой частью национальной литературы и культуры Германии. Сначала мигрантскую литературу воспринимали лишь как нишевый феномен, интерес к ней был ограничен узким кругом читателей. Сейчас же она признается немецкой критикой и изучается в рамках многих наук, в том числе литературоведения.

В современном немецкоязычном литературном ландшафте можно наблюдать процессы увеличения количества публикуемой мигрантской литературы разных диаспор. Достаточно активно проявляют себя русскоязычные авторы: О. Грязнова, О. Мартынова, Л. Горелик, В. Вертлиб. С ярким дебютным романом «Парк осколков» (оригинальное название «Scherbenpark» — одноименный район в Берлине, поселение для русских мигрантов) вышла на литературную арену в 2008 г. писательница с русскими корнями Алина Бронски. Роман был удостоен «Немецкой молодежной литературной премии», номинирован на литературную премию «Аспекты» за лучший дебют, был поставлен на сцене в Theaterhaus в городе Штутгарте (Германия), а в 2013 г. вышел одноименный фильм «Парк осколков» («Scherbenpark»), который вскоре также был отмечен многочисленными кинопремиями.

75

«Иногда я думаю, что я единственная в своем квартале, кто еще имеет разумные мечты. У меня их две, и ни за одну из них мне не стыдно. Я хочу убить Вадима. И я хочу написать книгу о своей маме» [6, S. 9]. Так начинается роман «Парк осколков». Главная героиня — 17-летняя Саша Найман, живущая в так называемом русском гетто в Берлине. Она ищет свое место в иноязычной реальности и на фоне трагических семейных обстоятельств пытается приспособиться к новым условиям жизни в другой стране, от первых минут и полного непонимания чужой культуры до абсолютного стирания границ между «чужим» и «своим», всесторонней адаптации к реалиям другого языкового и культурного пространства и нахождения своего места в новой межкультурной реальности.

Незнание языка становится первым и главным препятствием на пути понимания людей другой культуры. «Мои одноклассники смотрели на меня так, будто я сошла с НЛО. Они задавали мне вопросы, которые я вначале не понимала. Вскоре я смогла их понять, но тогда уже все думали, что со мной невозможно говорить» [6, S. 14]. Героиня начинает изучать немецкий язык и добивается явных успехов, что можно понять по ее собственной оценке: «Мама Мелани говорила с акцентом, который при первом посещении я еще не замечала» [6, S. 16]. Именно освоение языка дает ей шанс не только понять, но и быть понятой:

«Это просто слепой дождь», — говорю я.

«Что?»

«Слепой дождь. Вы не знаете такого выражения?»

«Нет. Никогда не слышал. У нас так не говорят» [6, S. 97].

Иногда ей даже приходится выступать в роли своеобразного посредника в понимании реалий собственного языка носителями иностранного:

«Мне жаль, твоя рубашка немного влажная, здесь, на плече».

«Слепой дождь?» [6, S. 276].

В данном случае можно с уверенностью говорить о существовании культурного диалога на языковом уровне. На этом уровне межкуль-

турное взаимодействие может выражаться в различных формах. Например, в форме интеграции в иноязычное пространство и освоения неродного языка (как в случае главной героини романа, не испытывающей никаких проблем в общении на немецком языке). При этом мы можем наблюдать как полное слияние с чужой культурой, что подразумевает отказ от прошлого, от собственной идентичности и своего рода «растворение» в чужой культуре, так и отторжение иноязычной культуры ввиду непонимания и неспособности освоить ее язык, неприятие и полное отделение себя от «внешнего» чужого мира и изолирование во «внутреннем» мире, который в случае романа Алины Бронски ограничивается кварталом для русских мигрантов.

Примером подобного отторжения становится один из персонажей романа — Мария, дальняя родственница главной героини, приехавшая из Екатеринбурга ухаживать за детьми после смерти матери Саши: «Если она не делает покупки в русском супермаркете, то должна показывать пальцем или писать цифры. Для этой цели она всегда носит с собой блокнот. После каждого похода в Aldi (сеть супермаркетов в Германии. — А.З.), она сама не своя. Если к ней обращаются на улице, она начинает запинаться и покрывается красными пятнами. Предложение “я говорю только по-русски” я учила с ней две недели. Бумажку с ним она носит в кошельке с транскрипцией кириллическими буквами» [6, S. 27]. «...Этот немецкий, как говорит Мария, еще хуже, чем китайский (как будто его-то она знает)» [6, S. 28].

Подобные периферийные состояния (имеется в виду полное слияние с иноязычной культурой или полное ее отторжение и замкнутость в собственном «внутреннем» мире) нельзя отнести к формам культурного диалога, поскольку они в своей основе отвергают понятие диалога как равноправного взаимодействия, замыкаясь лишь на одной стороне.

Следует отметить некоторые языковые реалии, которые сопровождают главную героиню на протяжении всего романа и которые она не может или не хочет объяснять своим немецким друзьям. Речь идет, например, о русской поэзии, вроде детских стихотворений Сергея Михалкова («У меня стальные нервы или вовсе нервов нет») [6, S. 40] или взрослых рифм петербургского поэта Осипа Мандельштама («Мы с тобой на кухне посидим, сладко пахнет белый керосин») [6, S. 170]. Все они так или иначе относятся к воспоминаниям Саши о матери и жизни в России и становятся в итоге ее единственной, но очень сильной связью с родной культурой, удерживая героиню в своего рода «пограничном» состоянии между двумя языками и культурами [4, с. 41] на фоне успешной языковой интеграции.

По Бахтину, диалог культур начинается со взаимного интереса. Представители другой культуры с открытым любопытством относятся к окружению девушки, к условиям жизни и работы мигрантов, причинам их миграции: «Во время обеда она смотрела на меня с состраданием и задавала мне вопросы про мой родной город, погоду, мою старую школу и мою маму» [6, S. 16]. Со стороны же Саши очевидным и естественным становится интерес к условиям быта и жизни людей, для кото-

рых Германия является родной страной. Так, например, она описывает свои первые впечатления от посещения дома одной из своих одноклассниц: «Без понятия, что меня тогда больше потрясло: порядок в комнате Мелани, или пахнувшая после полировки мебель, про которую я раньше думала, что она бывает только в каталоге или в фантазиях Анны, или тот факт, что обедали в гостиной за овальным столом, а не на кухне, или постельное белье с лошадьми. До этого я никогда не видела цветное постельное белье» [6, S. 15].

Отойдя от первого культурного шока, главная героиня начинает четко понимать разницу между «своим» и «чужим» миром и отделять их друг от друга, отдавая предпочтение благоустроенному иноязычному пространству: «Я представила себе, как чистенькая Мелани в своей джинсовой куртке едет со мной в лифте. Как она при этом оглядывается так же суетливо, как и ее мать. Как запах ее мыла вступает в безнадежную борьбу с парами нечистот в подъезде и проигрывает. Как она входит в дверь. Смотрит на наш подержанный диван и столик перед ним, чья третья ножка ломается, если не так на него посмотреть. На книги на полу. На маленький телевизор и стопку видеокассет перед ним. Уже тогда ни у кого не было видеокассет! На шкаф без двери. На носки моего отчима на батарее. На рейтузы моего брата, перекинутые через спинку стула. У нас было пять стульев, и все разные, так как они были из сэконд-хэнда» [6, S. 18].

Она ненамеренно сравнивает Германию с Россией и небольшой частью России в Германии — кварталом для русских, или, как сама его называет, «русским гетто», и понимает, насколько невыигрывшно выглядит при таком сравнении место, откуда она родом, насколько ограничены и неинтересны люди, связывающие ее с Россией, — те, кто живет вместе с ней в квартале для русских эмигрантов: «Я тут же вспоминаю те слова, что написаны в Москве на ветхих заборах и нацарапаны в квартале на стенах домов. За каждое слово я бы тут же вылетела из школы» [6, S. 163].

Возникает вопрос о том, можно ли говорить о проявлении диалога культур на бытовом уровне в том случае, когда условия жизни в одной культуре на уровень выше, чем в другой? Конечно, субъективно для героини культура бывшей родины уступает культуре «нового дома» — Германии, буквально растворяясь в ней: «Я всегда цеплялась за эту квартиру. Но я больше не могу. Я хочу уехать отсюда. Возможно, в центральную часть города, я же должна здесь закончить школу. Я ненавижу этот квартал. Я ненавижу этих людей. Но я ничего не могу сделать, а они еще меньше. Все — нищие свиньи. И становятся все беднее. Я их провоцирую, и им это нравится, и они тайно ненавидят меня. Я ненавижу эту вонь, и вещи на балконах, и спутниковые тарелки» [6, S. 199].

Обособленное положение мигрантов, живущих в «русском гетто», их нежелание интегрироваться и вообще как-либо контактировать с представителями другой культуры может стать доказательством осознанного невступления в диалог, а возможно, даже в какой-то мере паразитирования на благах другой культуры, достигшей более высокого уровня развития. Достаточно большую роль здесь играет не только

осознанное желание жителей квартала изолироваться от иноязычного окружающего мира, но также отсутствие необходимости контакта с внешним миром. Итогами же подобного отказа от взаимодействия становятся деградация и асоциальность.

Здесь очень важным становится развитие диалога культур на ментальном уровне, что проявляется в осознании себя как части другого языкового и культурного пространства и продолжении коммуникации с представителями другой культуры уже «на равных». Развитие культурного диалога на ментальном уровне показано в романе «Парк осколков» на примере главной героини.

Преодолев языковой барьер, познакомившись с менталитетом и устоями страны, девушка постепенно принимает иностранное окружение, адаптируется, пытаясь понять свое место между двумя различными культурами. В начале романа, рассказывая о первых впечатлениях о школе и одноклассниках, Саша предполагает, что в элитную гимназию ее взяли, «чтобы немного попробовать интеграцию» [6, S. 14], поскольку в своем классе она была единственной с «мигрантским прошлым», в параллельных классах учились еще двое — мальчик с американскими и девочка с французскими корнями. Саша иронично замечает: «Во всей школе я не увидела ни одного темнокожего, а также никого, кто выглядел бы хоть немного по-арабски. Так что моему классу со мной особенно повезло» [6, S. 14].

При этом очень важно, что разница между героиней и ребятами, живущими с ней в одном квартале, — детьми русских мигрантов — огромна. Саша считает, что «ни у кого из квартала нет мечты, а если и есть, то такая жалкая, что лучше бы ее вообще не было» [6, S. 9]. Так, например, у ее знакомой Анны есть мечта выйти замуж за богатого. «Он должен быть судьей, чуть за тридцать, и если повезет, не совсем страшным» [6, S. 9]. Петр Великий, как шуточно называет главная героиня одного из детей мигрантов, мечтает о натуральной блондинке с темными глазами. Еще один юноша, представитель молодого поколения жителей квартала по имени Валентин, мечтает о белоснежном мерседесе, при этом он не имеет постоянной работы (делает уборку у одной пожилой дамы два раза в неделю) и пока не получил права. Как остроумно замечает Саша: «Даже если когда-нибудь он насобирает на права, то на белый мерседес ему придется ходить убираться еще две жизни. И может тогда в третью жизнь он сядет за руль» [6, S. 11].

Дальняя родственница Мария из Новосибирска мечтает когда-нибудь вернуться обратно в свой родной город с тонкой талией, неброским макияжем, с чемоданом, полным шикарных нарядов и, в идеале, под руку с немцем с аккуратной бородкой, доказав тем самым своим бывшим приятельницам и соседкам свою состоятельность и успешность.

Для Саши Россия постепенно становится далекой и чужой («Я сказала, что этот дом намного чище и уютнее, чем тот дом, в котором мы жили там. Про Россию я всегда говорила “там”» [6, S. 16]), а Германия, наоборот, — родной и понятной, Саша называет ее «цветущей страной» [6, S. 41]. «Если бы я здесь выросла, я была бы совсем другой...

Я бы не дралась, и я бы, наверно, не так беспощадно училась, не зубрила бы даже те вещи, которые меня совсем не интересуют, историю Средневековья, например. Я была бы рождена победителем и не должна была так отчаянно лезть из кожи вон, чтобы доказать всем, что я чего-то стою... Я была бы кем-то» [6, S. 42].

Но в то же время она не может стереть воспоминания о России и квартале, которые являются единственной ниточкой, связывающей ее с трагически погибшей матерью, активно помогавшей мигрантам адаптироваться в иноязычной стране. Один из героев романа так говорит о матери главной героини: «Я однажды познакомился с ней. Она еще получила эту премию, за... помощь в успешной интеграции или что-то вроде этого» [6, S. 118].

Важной для понимания собственной идентичности становится встреча героини с националистом. Он принимает Сашу за немку и открыто высказывает свое крайне негативное отношение к мигрантам:

«Я хочу только сказать, что этих мигрантских отбросов становится все больше. Мы тонем в них».

«Кто, мы?»

«Мы — немцы, конечно. Ты и я. Мы теряем всё — нашу экономику, наш язык, наши гены. Через двадцать лет нас совсем не станет» [6, S. 227].

Саша подыгрывает случайному знакомому, но решает ему отомстить. Зачем? Заманив его хитростью в «Парк осколков» к ребятам из квартала, она саркастично отвечает: «Без понятия... Возможно, потому что я родом из страны, в которой все напиваются до смерти» [6, S. 157]. «Следующие события не требуют слов. Петр показывает указательным пальцем, приподнимает бровь, я киваю. Вдруг я почувствовала себя как дома» [6, S. 233]. Именно в таких драматичных обстоятельствах героиня, наконец, осознает свое место среди двух миров, свою идентичность. Только встретившись с агрессивностью по отношению к своему мигрантскому прошлому, она понимает свое нежелание отказываться от него, поскольку именно положение «между» культурами и языками делает ее той, кем она является.

Новость о смерти убийцы ее матери становится кульминационным моментом романа. Девушка попадает в больницу, однако через некоторое время, придя в себя, спокойно замечает: «Пару недель в больнице, и новая жизнь начинается» [6, S. 279]. Эта фраза служит указанием на то, что главная героиня романа Алины Бронски «Парк осколков» наконец находит гармонию внутри себя. А происходит это лишь тогда, когда ее «культурный монолог» постепенно превращается в «культурный диалог».

Таким образом, в романе Алины Бронски «Парк осколков» культурный диалог осуществляется на нескольких уровнях: языковом, ментальном и в какой-то степени бытовом. Именно успешная интеграция на всех этих уровнях помогает героине адаптироваться в чужом для нее мире и ассимилироваться с ним, не отвергая при этом свое мигрантское прошлое и настоящее.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М., 1986.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
3. Гусейнов А.А. Диалог культур в глобализирующемся мире: Мировоззренческие аспекты / отв. ред. В.С. Степин [и др.]. М., 2005.
4. Потёмкина М.С. Концепт «граница» в романе В. Хильбига «Временное пристанище» // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 2. С. 40–44.
5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации : учеб. пособие. М., 2007.
6. Bronsky A. Scherbenpark. Kiepenheuer&Witsch, 2008.

Об авторе

Анастасия Андреевна Зонова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: anastasiazonova@gmail.com

About the author

Anastasia Zonova – PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: anastasiazonova@gmail.com